

В.Я. БАХМУТСКИЙ

ВРЕМЯ ПЕРВЫХ

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва
ВГИК
2013

Владимир Яковлевич Бахмутский

Время первых. Лекции по истории античной литературы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33405118

*Время первых. Лекции по истории античной литературы / Учебное
пособие: ВГИК; Москва; 2013
ISBN 978-5-87149-142-3*

Аннотация

Основу книги «Время первых» составили аудиозаписи краткого курса лекций по истории античной литературы известного филолога, заслуженного деятеля искусств, профессора ВГИК Владимира Яковлевича Бахмутского. Книга адресована тем, кого волнуют вопросы духовных истоков, древнего творческого и нравственного наследия человечества, кто стремится углубить знания и расширить собственный культурный горизонт.

Содержание

Вместо предисловия	5
Гомеровский эпос	7
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Яковлевич Бахмутский Время первых Лекции по истории античной литературы

*Благодарим за помощь в работе над книгой
Региональный общественный благотворительный
фонд «Московский детский фонд», а также всех,
кто принимал участие в расшифровке аудиозаписей
лекций.*

*Всё меняется, ничто не исчезает.
Овидий. Метаморфозы*

© Бахмутский В.Я., 2013

© Всероссийский государственный университет кинема-
тографии имени С.А. Герасимова

* * *

Вместо предисловия

В основу этой необычной книги легли аудиозаписи лекций Владимира Яковлевича Бахмутского.

Многие поколения вгиковцев – режиссёры, сценаристы, актёры, киноведы – хранят конспекты его «Зарубежной литературы» – огромный курс, охватывающий всю историю европейской литературы от античности до нашего времени. Для каждой специальности Владимир Яковлевич читал лекции по-разному, учитывая ее творческую специфику – лекции для режиссеров отличались от лекций, адресованных сценаристам или актерам. Но сам автор никогда не переносил свою преподавательскую деятельность на бумагу. Тем более ему не приходило в голову издавать собственные выступления перед студенческой аудиторией. Он был глубоко убеждён: ничто не заменит живого общения, заинтересованного личного диалога со слушателем, который Владимир Яковлевич вёл более полувека. И когда в июне 2004 года Бахмутский ушёл из жизни, его удивительные лекции-импровизации были утрачены навсегда.

Но оказалось, сохранились аудиозаписи одного из последних, прочитанных Владимиром Яковлевичем курсов. В 2001–2003 гг. звукорежиссёры, слушавшие этот, к сожалению, краткий цикл лекций, сделали то, что и следовало людям, избравшим данную профессию, – записали фонограм-

му.

Конечно, превращённая в текст эта запись не способна передать в полной мере всю силу и обаяние личности Владимира Яковлевича, его энергетику, особую манеру чтения, выражение глаз, жест, голос... Но она имеет бесспорную ценность как воплощение яркой, самобытной мысли, живой след огромной духовной работы человека, о котором трудно говорить в прошедшем времени.

Гомеровский эпос

Человека волнует прошлое. Этот интерес к прошлому составляет одно из важнейших свойств человеческого сознания. Особенно остро он проявлялся в ранние дописьменные эпохи, когда знание шло из глубин ушедших времён и передавалось от поколения к поколению, главным образом, в преданиях...

«Илиада» Гомера опиралась на реальный исторический пласт. Это так называемая протогреческая культура, примерно XV век до нашей эры. Но если учесть, что собственно греческие племена появились на Апеннинском полуострове около IX века до нашей эры, столь отдалённый временной период всегда воспринимался почти как вымысел. Казалось, это время никогда не было настоящим. Некое абсолютное, идеальное прошлое. Время первых и лучших...

Многие герои Гомера являются детьми богов. Елена – дочь Зевса, Ахилл – сын морской богини Фетиды... Это для нас сейчас исторический и мифологический факты являются чем-то полярным, несовместимым, а для греков они составляли неразрывное целое. В сущности, воплощённое в слове прошлое являлось для человека тем опытом, который позволял ему жить.

Всякое обращение к истории есть осмысление прошлого. Можно, допустим, интересоваться причинами того, что про-

изошло, пытаться выявить истоки, некую цепь событий, которые привели к существующему положению вещей. Можно, и это, скорее, смысловая сторона, без которой нельзя познать причин, – стремиться установить временную последовательность. Необходимо выяснить, что было раньше, а что позже, выстроить своего рода причинно-следственный ряд: на этом строится всякое историческое понимание вообще...

Но в поэме Гомера нет никакой цепочки событий и нет никаких причин. Гомер обращается к такому прошлому, в котором временные и причинные связи отсутствуют, и поэтому осмысление для него – это сам миф.

Мифологическая основа «Илиады», как известно, связана с похищением Елены, которое совершил Парис, и это стало причиной Троянской войны. Сам этот мифологический сюжет имеет свои глубинные корни. Его происхождение, вероятно, связано с образом лунной богини, которая олицетворяла собой земное плодородие... Когда земля переставала приносить урожаи, людям казалось, что у них похитили богиню плодородия. Начиналась борьба с соседним племенем, целью которой было отвоевать богиню, захватить новые земли и решить тем самым эту сложную жизненную проблему. Такова в общих чертах архаичная основа мифа.

В «Илиаде» представлена очень высокая степень развития этого сюжета. Во-первых, Елена в поэме, хотя и дочь Зевса, но всё же – полубогиня, главная особенность которой – необыкновенная красота. Елена прекрасна. Она много бед

принесла троянцам: из-за неё вспыхнула ужасная, кровопролитная война. В «Илиаде» изображается десятый год этой войны. Но вот что говорят троянские старцы, и это важно, что именно старцы, впервые увидев Елену:

Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно, вечным богиням она красотой подобна!¹

(Песнь III)

Это отражает очень важную сторону сознания греков и греческой мифологии в целом. Греческий бог не отличается добротой, он – не образец нравственности. Он – воплощение красоты. Всё греческое искусство – это попытка изобразить божество как некий высокий образец, совершенное выражение прекрасного. Само слово космос, основополагающее понятие греческой культуры (боги создали мир, превратив хаос в космос), связано с понятием красоты. Отсюда, кстати, слово косметика...

Греки не сомневались в том, что автором «Илиады» был Гомер.

Его изображали слепым певцом, и семь греческих городов спорили между собой за право считаться родиной Гомера. Однако в Новое время появились сомнения в самом существовании поэта, и в конце XVIII века возник так называ-

---

¹ Гомер. Илиада. (пер. Н.И. Гнедича). Л.: Наука, 1990. С. 41.

емый гомеровский вопрос. Немецкий учёный Ф. А. Вольф в книге «Введение к Гомеру» доказывал, что «Илиада» – плод коллективного народного творчества, фольклор; в ней собраны различные песни, связанные с мифом о Троянской войне. Известно, что в VI веке до нашей эры при афинском тиране Писистрате была создана специальная комиссия по редактированию текстов поэм. Вольф считал, что именно тогда они и были впервые записаны...

На чём основывалась гипотеза Вольфа? Во-первых, он находил в поэмах много черт, характерных для фольклора. Кроме того, он считал, что в эпоху Гомера, а это примерно VII век до нашей эры, ещё не было письменности, а устно такие большие произведения сочинить невозможно. В-третьих, ему казалось, что в поэме очень рыхлая композиция, и, следовательно, она представляет собой лишь соединение отдельных песен. И, наконец, он видел противоречия в самом тексте.

Версия Вольфа вызвала полемику. Ей противостояли приверженцы авторства Гомера, которые стали именоваться аналитиками. Сначала это была чисто эстетическая постановка вопроса. В частности, важную роль в этой дискуссии сыграл немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, который доказывал, что поэма Гомера – это вовсе не механическое соединение отдельных песен. С художественной точки зрения она представляет собой цельное произведение, а рыхлость композиции – вообще характерная черта эпоса.

Некоторые учёные на основе филологического анализа утверждали, что поэма всё-таки имеет единого автора. К тому же было доказано, что в эпоху Гомера существовала письменность.

Но была и третья позиция, высказанная немецким ученым Г. Германном, который известен также как создатель теории первоначального ядра. Германн пытался примирить две крайние точки зрения. Он считал, что у поэмы не было автора, она – плод коллективного творчества, но полагал, тем не менее, что это – единое художественное произведение, целостность которого возникла в рамках самого народного творчества. То есть он выдвинул утверждение, что сначала возникла одна небольшая поэма, в данном случае «Илиада», в которой излагались основные события, а затем, продолжая жить в народном сознании, она стала обрастать различными дополнениями, и таким образом вокруг этой первоосновы сложилась поэма, которая позже была записана.

Гомеровский вопрос открыт до сих пор в том смысле, что и по сей день не существует никаких достаточно весомых доказательств существования Гомера как исторического лица. Что является бесспорным? То, что поэма выросла из народного творчества, и эта её связь с фольклором не вызывает сомнений. Второе: поэма – целостное художественное произведение, а не механическое соединение отдельных частей, поэтому, возможно, единый автор всё-таки был. Один из весомых аргументов Вольфа заключался в том, что в поэ-

ме встречаются несоответствия. Допустим, в одной из песен герой погибает, а в другой он продолжает действовать. Автор бы помнил, что его герой уже мёртв. Но всё-таки это касается сугубо второстепенных персонажей. И к тому же, подобных случаев в истории литературы встречается не так уж мало. Известно, например, как Дюма писал свои романы. Он расставлял оловянных солдатиков, ассоциируя их с конкретными персонажами, чтобы не забыть, что кто-то из них уже вышел из действия. Но это был профессиональный писатель. А поэма Гомера выросла из старинных устных преданий...

Надо сказать, сама постановка подобных вопросов – это во многом модернизация. Скорее всего, Гомер был автором поэм, но не в нашем современном понимании. Таких певцов в древности называли *аэдами*. Устное народное творчество не знало разделения на исполнителя и творца. Это теперь мы чётко различаем, кто автор, а кто исполнитель, хотя и существует особый жанр – авторская песня, в которой это неразрывно связано. Но, что касается аэдов, они творили, и сами же исполняли своё произведение. Аэд слышал песню, и, когда он её воспроизводил, он её одновременно и создавал. Каждый раз всё создавалось точно заново, «на слух». Но это и есть творчество в древнем, изначальном понимании... Не случайно «Илиада» начинается со слов:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

(Песнь I)

Гомер записал эти песни, которые были даны свыше. Он не считал себя автором. Но он всё-таки был им, поскольку сумел придать повествованию законченную форму, в которой оно нам теперь известно. Следует заметить: для Гомера не существовало проблемы, которая сегодня обозначается в законе об авторском праве, – плагиата. У него что-то заимствовали, или он у кого-то что-то мог позаимствовать – создателя «Илиады» это не занимало...

В поэме Гомера действуют люди и боги. Это связано с тем, что в ней одновременно явлены как бы две основы: историческая и мифологическая. Они образуют некое неразрывное целое. Но для удобства анализа мы пока отвлечёмся от образов богов и рассмотрим поэму на «человеческом» уровне...

В «Илиаде» развивается конфликт, возникший между людьми.

Боги принимают в нём участие. Но главный конфликт здесь – это конфликт человеческий. Как начинается «Илиада»?

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростёр их в корысть
плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалася Зевсова воля)

(Песнь I)

К этим начальным строкам поэмы мы ещё не раз будем возвращаться. Они очень многозначны. А пока отмечу только одну странность. Речь здесь идёт о гнев Ахилла, который, и это подчёркнуто, *«ахейнам тысячи бедствий соделал: // Многие души могучие славных героев низринул...»*. Гнев Ахилла причинил так много зла ахейцам. Столько страданий принёс он своему войску, своему народу, а его прославляют! Это парадоксально. Но надо иметь в виду, и это касается вообще действующих лиц «Илиады», это – эпические герои. Все они сражаются очень мужественно, не зная страха. Все они подвержены безудержным страстям, для каждого из них очень важно понятие чести и так далее. В общем, если так перечислять, всем им свойственны примерно одни и те же качества. Они – одинаковые. Тем не менее мы их не путаем. Знаем каждого по имени: Ахилл, Гектор, Патрокл, Приам... Приам, правда, старше других героев. Но Ахилл, Гектор, Патрокл, Парис – это все люди одного поколения. Все они, можно сказать, едины. И в то же время они индивидуальны.

Приведу простой пример, чтобы было понятнее. Вот маленькие дети. Все они похожи друг на друга. Приблизительно одни и те же реакции лет до двух-трёх. Это позже начи-

---

² Там же. С. 5.

наются импровизации, а в раннем возрасте дети более или менее предсказуемы. Такова детская психология. Однако мы их легко различаем. И ни одна мама никогда не спутает своего младенца с чужим: с самого рождения у него уже есть индивидуальность. Каждый – уникален.

Во второй песне «Илиады» говорится об испытании войска. Агамемнон велит своим воинам возвращаться домой. Но затем богини Гера и Афина убеждают Одиссея вернуть ахейцев. Кажется, можно было бы просто бросить призыв. Но – нет. Он с каждым лично разговаривает, обращается к каждому по-своему. Это – индивидуальное обращение к рядовым воинам, не говоря уже о лидерах. Всем им свойственны одни и те же качества, но в какой-то своей, иной, по сравнению с другими, степени. Все они неповторимо своеобразны. Например, Ахилл – крайне порывист, а Патрокл – более милосерден, это подчёркнуто. Но в финале Ахилл неожиданно проявляет милосердие, а Патрокл, несмотря на всё своё благоразумие и уговоры Ахилла, безрассудно вступает в сражение с Гектором... Конечно, все они – разные, но, при этом, как дети. И, как и в детях, в героях Гомера нет ничего окончательного, застывшего...

Итак, первая песнь, завязка «Илиады». Идёт десятый год Троянской войны. В одном из сражений захвачены пленницы. Предводителю ахейского войска Агамемнону досталась Хрисеида, дочь жреца храма Аполлона Хриса. И вот Хрис приходит к Агамемнону, приносит богатый выкуп, чтобы тот

вернул ему дочь. Агамемнон отвечает отказом. Тогда Хрис обращается с мольбой к богу Аполлону. И Аполлон насылет столько стрел на ахейское войско, что в результате гибнет, пожалуй, даже больше людей, чем во время сражений. Ахейцы задают вопрос прорицателю, в чём причина такого гнева. И выясняется, что нужно вернуть пленницу.

Агамемнон согласен это сделать, хотя признаётся:

...в душе я желал чернооковую деву
В дом мой ввести; предпочёл бы её и самой
Клитемнестре,
Девою взятой в супруги; её Хрисеида не хуже
Прелестью вида, приятством своим, и умом, и делами!
Но соглашаюсь, её возвращаю, коль требует польза:
Лучше хочу я спасение видеть, чем гибель народа.
Вы ж мне в сей день замените награду, да в стане
аргивском
Я без награды один не останусь: позорно б то было;
Вы же то видите все – от меня отходит награда.³

(Песнь I)

Ему нравится Хрисеида, но он готов отказаться от неё, если ему возместят потерю какой-нибудь другой пленницей. Но тут вмешивается Ахилл:

Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!

---

³ Там же. С. 5.

Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:
Что в городах разорённых мы добыли, всё разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа – позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Трои разрушить. ⁴

(Песнь I)

Ахилл, заметьте, выступает от имени всех. Не от себя. Где мы возьмём новую пленницу? У нас нет запаса. Каждый получил свою. А отбирать пленницу у другого – это никуда не годится. Все воины равны, все они, кстати, пришли воевать по собственной воле. Они выбрали Агамемнона предводителем войска, но они ему не подвластны, каждый ведёт свою дружину. А Агамемнон отвечает:

Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишённый,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятно сердцу, достоинством равною первой.

---

⁴ Там же. С. 7.

Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!⁵

(Песнь I)

Агамемнон говорит: «Нет, я без награды не останусь; а не отдадите – сам заберу». Пока он не утверждает, что обязательно у Ахилла. У кого-нибудь еще. Но тут уж и Ахилл не мог не возмутиться:

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, облечённый бесстыдством, коварный душою
мздолюбец!

Кто из ахейян захочет твои повеления слушать?

Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро
сразится?

Я за себя ли пришёл, чтоб троян, укротителей коней,
Здесь воевать? Предо мною ни в чём не виновны трояне:
Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил;
В счастливой Фтии моей, многолюдной, плодами
обильной,

Нив никогда не топтал; беспредельные нас разделяют
Горы, покрытые лесом, и шумные волны морские.

Нет, за тебя мы пришли, веселим мы тебя, на троянах
Чести ища Менелаю, тебе, человек псообразный!

Менелай – брат Агамемнона. Он за Еленой, женой брата,

---

⁵ Там же. С. 8.

приплыл в Трою. А ему, Ахиллу, троянцы ничего плохого не сделали:

Ты же, бесстыдный, считаешь, ничем то и всё презираешь,

Ты угрожаешь и мне, что мою ты награду похитишь,
Подвигов тягостных мзду, драгоценнейший дар мне ахеян?..

Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.
Нет, несмотря, что тягчайшее бремя томительной брани
Руки мои поднимают, всегда, как раздел наступает,
Дар богатейший тебе, а я и с малым, приятным
В стан не ропща возвращаюсь, когда истомлён
ратоборством.

Ныне во Фтию иду: для меня несравненно приятней
В дом возвратиться на быстрых судах; посрамлённый
тобою,
Я не намерен тебе умножать здесь добыч и сокровищ».⁶

(Песнь I)

То есть Ахилл заявляет: «Вернусь домой!» А Агамемнон ему отвечает:

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей
Агамемнон:

«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я

---

⁶ Там же. С. 8.

Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;
Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.
Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!
Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.
Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.
В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;
Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;
Гнев твой вменяю в ничто; а, напротив, грожу тебе так я:
Требует бог Аполлон, чтобы я возвратил Хрисеиду;
Я возвращу, – и в моём корабле и с моею дружиной
Деву пошлю; но к тебе я приду, и из кущи твоей Брисеиду
Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,
Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился
Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»⁷

(Песнь I)

У Ахилла эти слова вызвали такой гнев, что он готов был сразить Агамемнона в ту же минуту, но явилась богиня Афина и вовремя остановила его руку. Тогда Ахилл говорит: «Ладно! Забирай Брисеиду! Но воевать я больше не стану». И обращается к своей матери – морской богине Фетиде, чтобы та попросила Зевса помочь троянцам. Пусть поймут ахейцы, а главное Агамемнон, что такое – обижать Ахилла. Фетида отправляется на Олимп, и Зевс обещает ей поддержать троянцев. Такова завязка «Илиады».

Теперь попробуем в этом разобраться. Конечно, мы впол-

---

⁷ Там же. С. 9.

не понимаем правоту Ахилла – несправедливо отбирать у него пленницу. Раз так вышло, Агамемнон мог бы отдать свою. Это понятно. Но дальнейшее поведение Ахилла для нас уже не столь очевидно. Мало того, что он отказывается сражаться, он хочет, чтобы ахейцы потерпели поражение. А ведь война продолжается уже десятый год. Что бы мы могли сказать Ахиллу в этой ситуации? А то, что есть нечто более важное, чем личные обиды! Но Ахилл бы нас с вами не понял. И вот почему. Что такое для него пленница? Прежде всего – награда. Это, вообще, очень важный момент в «Илиаде». Ведь Агамемнон тоже в самом начале говорил:

Я без награды один не останусь: позорно б то было;
Вы же то видите все – от меня отходит награда.

(Песнь I)

Дело в том, что понятие чести для греков обязательно должно было быть овеществлено, представлено в предмете. Таково мифологическое мышление. А отобрать награду – значит затронуть честь. Кроме того, награда должна быть достойной. Агамемнон требует не просто пленницу, а чтобы та была так же прекрасна, как Хрисеида, не хуже. Честь здесь воплощена в награде. Это несколько другой мир, чем, скажем, тот, к которому мы привыкли, в котором честь – лишь знак. А здесь – нет. Без награды остаться позорно. Для Агамемнона это вопрос чести.

В поэме вообще нет деления на внутреннее и внешнее.

Герои «Илиады» не различают знак и предмет. Скажем, горе обязательно должно выражаться слезами, человек в горе плачет. Вообще, всё должно получать очевидное, внешнее выражение. Здесь нет ничего внутреннего, скрытого от глаз, так же, как и нет ничего абсолютно внешнего. Таков мир Гомера. Поэтому честь для героев «Илиады» – очень важный вопрос. Но не менее важна сама пленница. Предмет неотделим от знака, но и знак неотделим от предмета. Это спор из-за пленницы. Из-за женщины. Но дело в том, что нет здесь и разделения на частное и общественное. Мы бы могли сказать: ну, подумаешь, пленница, есть ведь интересы войска! А герои Гомера не знают этого разделения. Нет этого. Для Агамемнона важна награда, но для него важна и Хрисеида. Он говорит, что даже и в дом бы её ввёл, что она ничем не хуже Клитемнестры, его законной супруги: *«Я желал черно-окую деву // В дом мой ввести; предпочел бы её и самой Клитемнестре»*. Ему нравится Хрисеида, очень нравится...

Когда греки терпят поражение (песнь IX), мы к этому ещё вернёмся, Агамемнон решает помириться с Ахиллом. Посылает к нему посольство. Но Ахилл отказывается возвращаться. И вот как это мотивирует:

Целы награды у всех; у меня ж одного из данаев
Отнял и, властвуя милой женой, наслаждается ею
Царь сладострастный! За что же воюют троян аргивяне?
Рати зачем собирал и за что их привёл на Приама
Сам Агамемнон? не ради ль одной лепокудрой Елены?

Или супруг непорочных любят от всех земнородных
Только Атрея сыны? Добродетельный муж и разумный
Каждый свою бережёт и любит, как я Брисеиду:
Я Брисеиду любил, несмотря, что оружием добыл!⁸

(Песнь IX)

Долг каждого мужчины – защищать женщину. И хотя Брисеида не была ему женой, он всё-таки любил её, явно выделял Брисеиду среди других. Лишиться любимой женщины – достаточный повод для вражды. А с чего, собственно, началась Троянская война? С похищения Елены. Похитили женщину, и из-за этого десять лет сражаются... Так ведь и у Ахилла отняли Брисеиду! И поэтому конфликт этот созвучен всей Троянской войне. Это все очень серьёзно. Мир Гомера ещё не знает разделения на частное и общественное. Есть разные стороны единого бытия. И честь, и женщины – здесь всё неразрывно связано...

Это не только черта Ахилла, но, скажем, и другого персонажа «Илиады», троянского героя Гектора. Когда греки начали наступление на Трою, он решает вступить в бой. Жена Андромаха пытается его остановить. Это знаменитая VI песнь, прощание Гектора с Андромахой. Она просит Гектора остаться дома:

Руку пожала ему и такие слова говорила:

«Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына

---

⁸ Там же. С. 124.

Ты не жалеешь, младенца, ни бедной матери; скоро
Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя аргивяне,
Вместе напавши, убьют! а тобою покинутой, Гектор,
Лучше мне в землю сойти: никакой мне не будет
отрады...

<...>

Гектор, ты всё мне теперь – и отец, и любезная мать,
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой
прекрасный!

Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: там наипаче
Город приступен врагам и восход на твердыню удобен...»

<...>

Ей отвечал знаменитый, шоломом сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше тревожит; но
страшный

Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной
троянкой,

Если, как робкий, останусь я здесь, удаляясь от боя.

Сердце мне то запретит; научился быть я бесстрашным,
Храбро всегда меж троянами первыми биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому добывая!

Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем,

Будет некогда день, и погибнет священная Троя,

С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама.

Но не столько меня сокрушает грядущее горе

Трои, Приама родителя, матери дряхлой Гекубы,

Горе тех братьев возлюбленных, юношей многих и

храбрых,

Кои полягут во прах под руками врагов разъярённых,
Сколько твоё, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
Слёзы лиющую, в плен повлечёт и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или Гипперея,
С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!
Льющую слёзы тебя кто-нибудь там увидит и скажет:
Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражались вокруг Илиона!
Скажет – и в сердце твоём возбудит он новую горечь:
Вспомнишь ты мужа, который тебя защитил бы от
рабства!
Но да погибну и буду засыпан я перстью земною,
Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой
услышу!»⁹

(Песнь VI)

Первое, на что хотелось бы обратить внимание: Гектор, конечно, отправляется сражаться, но делает это не от осознания долга. Это – естественное проявление его натуры. Но больше всего его волнует не столько судьба Трои, не судьбы отца или братьев,

...сколько твоё, о супруга! тебя меднолатный ахеец,
Слёзы лиющую, в плен повлечёт и похитит свободу!

---

⁹ Там же. С. 90–91.

Для Гектора самое важное – участь его жены и сына. Это очевидно:

Рёк – и сына обнять устремился блистательный Гектор;
Но младенец назад, пышноризой кормилицы к лону
С криком припал, устрася любезного отчего вида,
Яркою медью испуган и гребнем косматовласатым,
Видя ужасно его закачавшийся сверху шелома.
Сладко любезный родитель и нежная мать улыбнулись.
Шлем с головы немедля снимает божественный Гектор,
Наземь кладет его, пышноблестящий, и, на руки взявши
Милого сына, целует, качает его и, поднявши,
Так говорит, умоляя и Зевса, и прочих бессмертных:
«Зевс и бессмертные боги!..»¹⁰

(Песнь VI)

То, что он заботливый отец, нежный муж, никак не противоречит его доблести. Для него просто не может быть двух рядов жизни, есть только разные её проявления.

Герои «Илиады» не понимают разделения этих понятий – долга и чувств. Для них всё – едино. И это не только черта Гектора или Ахилла. Вот, например, Диомед. В одной из битв он встречается с троянцем Главком. Родители Главка и Диомеда – побратимы. В литературе Нового времени в душах таких героев непременно возник бы конфликт. С одной стороны, они – враги, а с другой – семьи их тесно связаны,

---

¹⁰ Там же. С. 91.

то есть налицо противоречие между чувством и долгом. А как в подобной ситуации ведёт себя Диомед? Он кидается в объятия Главка... Поэтому и подвиги совершаются такими героями естественно и свободно. Они органичны в своих проявлениях.

Что касается гнева... Скажем, в «Божественной комедии» Данте гневные помещены в пятый круг Ада. А в поэме Гомера гнев – это нормально. Гнев воспевается. Почему так происходит? Гнев – это чувство, которое определяет героев «Илиады». И когда кто-то из них совершает несправедливость, это может быть объяснено гневом... Это состояние, в котором они сражаются, совершают подвиги. Сама Троянская война вызвана гневом. Но конфликт между Агамемноном и Ахиллом всё же кончается примирением. Оба героя раскаиваются. Почему так происходит? Главное, в чём ошибся Агамемнон: он думал, что и без Ахилла можно взять Трою. А без Ахилла ничего не получилось. Ахейцы терпели одно поражение за другим. Это такой коллектив, в котором каждый незаменим.

Но и Ахилл ошибся, решив, что может не участвовать в сражениях.

Когда греки оказались уж в слишком тяжёлом положении – их чуть не отрезали от кораблей, друг Ахилла Патрокл вступил в схватку. Он не мог видеть, как гибнут люди, с которыми он был связан. Ахилл не посмел ему запретить. Но Патрокл погиб, и Ахилл чувствует в этом свою вину. Если

бы он сам принял участие в битве... Здесь слишком глубокие связи. А кроме того, Ахилл, как человек, не мог утвердить себя иначе...

Тема взаимоотношений людей и богов звучит уже в первой строфе «Илиады»: «...совершалась Зевсова воля». Боги играют чрезвычайно важную роль. Вообще, первое письменное изложение греческих мифов – это поэма Гомера. Здесь все основные мифы упомянуты. И прежде всего, конечно, олимпийская мифология.

Что представляют собой боги у Гомера? Первое, что следует подчеркнуть, это их предельная антропоморфность. Та определяющая функция, которая как бы закреплена за каждым из богов, – всегда в нём присутствует, но вовсе не исчерпывает. Например, Аполлон – бог света, но его индивидуальность этим не ограничивается, в «Илиаде» он в этой роли и не выступает. Или, скажем, Артемида – богиня охоты, но это тоже никак не проявляется в «Илиаде». Гораздо важнее другое: боги в высшей степени очеловечены, им присущи почти все человеческие черты и качества.

Примеров тому много, но приведу один. Богиня Фетида, мать Ахилла, по просьбе сына отправляется к Зевсу, чтобы просить о помощи. Но жена Зевса Гера на стороне ахейцев. (В своё время троянец Парис присудил золотое яблоко с надписью «прекраснейшей» не Гере и не Афине, а Афродите. Поэтому Гера не любит Париса и, соответственно, троянцев). Зевс, верховный бог, хотя временами и предстаёт весь-

ма грозным перед другими небожителями, побаивается жёну и отвечает Фетиде так:

Ей, вздохнувши глубоко, отвечивал тучегонитель:
«Скорбное дело, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобит меня оскорбительной речью;
Гера и так непрестанно, пред сонмом бессмертных, со мною
Спорит и вопит, что я за троян побораю во брани.
Но удалися теперь, да тебя на Олимпе не узрит
Гера; о прочем заботы приемлю я сам и исполню:
Зри, да уверенна будешь, – тебе я главой помагаю.
Се от лица моего для бессмертных богов величайший
Слова залог: невозвратно то слово, вовек непреложно,
И не свершиться не может, когда я главой помагаю».¹¹

(Песнь I)

Но визит Фетиды, тем не менее, не остался незамеченным, и Гера устраивает Зевсу соответствующую семейную сцену:

Быстро, с язвительной речью, она обратилась на Зевса:
«Кто из бессмертных с тобою, коварный, строил советы?
Знаю, приятно тебе от меня завсегда сокровенно
Тайные думы держать; никогда ты собственной волей
Мне не решился поведать ни слова из помыслов тайных!»
Ей отвечал повелитель, отец и бессмертных и смертных:
«Гера, не все ты надейся мои решения ведать;

---

¹¹ Там же. С. 16.

Тягостны будут тебе, хотя ты мне и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познает
Прежде тебя, ни от сонма земных, ни от сонма небесных.
Если ж один, без богов, восхощу я советы замыслить,
Ты ни меня вопрошай, ни сама не изведывай оных».
К Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
«Тучегонитель! какие ты речи, жестокий, вещаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что изведать
Век не желала; спокойно всегда замышляешь, что
хочешь.
Я и теперь об одном трепещу, да тебя не преклонит
Старца пучинного дочь, среброногая мать Пелида:
Рано воссела с тобой и колена твои обнимала;
Ей помавал ты, как я примечаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы аргиев истребить пред
судами».¹²

(Песнь I)

Как видите, все человеческие страсти, все качества, присущие людям, свойственны и богам, и, казалось бы, грани между людьми и богами нет. Боги вступают в связь с людьми – в результате рождаются полубоги. Среди них сын Афродиты Эней, который сражается за Троию, многие из детей Зевса, внук Посейдона...

Одни боги – на стороне троянцев, другие поддерживают ахейцев.

На стороне троянцев – Аполлон, т.к. его обидел Агамем-

---

¹² Там же. С. 16–17.

нон, не уважил его жреца, и бог мстит герою. Троянцам помогают Афродита (она любит Париса, кроме того, её сын – троянец Эней), бог войны Арес, Артемида, сестра Аполлона. А вот на стороне ахейцев – Гера и Афина, обиженные Парисом, Посейдон. Что касается Зевса, он занимает нейтральную позицию, но по просьбе Фетиды начинает помогать защитникам Трои и не даёт возможности другим богам вступить за ахейцев. Но я хотел бы сразу сказать об одной важной особенности: участие богов здесь не означает, что бог – некое знамя борьбы, как, скажем, в религиозных войнах. Нет, люди здесь не во имя богов сражаются. Боги принимают участие в противостоянии, сочувствуя или препятствуя тем или иным героям, но *все* люди здесь обязательно почитают *всех* богов.

Например, Афродита сражается, защищая своего сына Энея (песнь V). Когда происходит поединок Париса и Менелая, она выносит Париса с поля боя, потому что любит его. И, наоборот, Гера и Афина, видя тяжёлое положение ахейцев, всячески стараются их поддержать. Поэтому Гера, пытаясь утихомирить Зевса, усыпляет его. Кроме того, есть сцены, где боги враждуют, даже дерутся между собой...

Кстати, у богов нет принципов. Не потому Зевс помогает троянцам, что считает это справедливым, нет, – его попросила Фетида, которая когда-то оказала ему очень серьезную услугу. Существует миф, который широко не известен: Гера, Афина и другие олимпийцы, кроме Гестии, восстали против

Зевса – окружили его, спящего, и «оковали» сыромятными ремнями так, что он не мог пошевелиться, а Фетида нашла способ его освободить. Вот из благодарности он это и делает. Сейчас мы бы сказали: «услуга за услугу»...

Так в чём же тогда главное отличие богов от людей? Люди – смертны, а боги – бессмертны. Во всём остальном различий нет...

И поэтому возникает одна особенность в «Илиаде»: люди много плачут. Ахилл плачет, женщины... Люди страдают, умирают, для них война – это трагедия. А боги смеются. Для них это игра. Им ничто не угрожает. Кстати, гомерический хохот вошёл в пословицы. Этим завершается первая песнь «Илиады»: боги смеются.

Люди порой и не понимают того, что делают боги. Часто боги их обманывают. Так Агамемнону Зевс посылает лживый сон, который сулит победу. Ахилл вначале радуется, что троянцы подходят к кораблям... Вот теперь-то ахейцы поймут, наконец, что значит – обидеть Ахилла:

Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне

Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетёт их.¹³

(Песнь XI)

Но Патрокл кидается в бой. Оказывается, никакое это не торжество, это – гибель Патрокла.

---

¹³ Там же. С. 159.

И Гектор, когда убивает Патрокла, тоже торжествует. Ему кажется, что троянцы вот-вот подоспеют и отрежут ахеян от кораблей. А на самом деле Ахилл вступит в сражение, и Гектор будет убит. Поэтому люди предполагают, а боги располагают. Боги смеются, а люди плачут.

Всё дело в человеческой смертности. Конечно, и звери умирают, но звери не знают об этом, а люди – знают. И потому

...из тварей, которые дышат и ползают в прахе,
Истинно в целой вселенной несчастнее нет человека.¹⁴

(Песнь XVII)

Отношение к смерти – очень важный момент в «Илиаде». Жизнь для героев «Илиады» – высшая ценность, недаром боги бессмертны. Ахилл, когда к нему приходят посланники (мы в другой связи к этому эпизоду еще вернёмся), скажет:

Можно всё приобрести, и волов, и овец сереброрунных,
Можно стяжать и прекрасных коней, и золотые треноги;
Душу ж назад возвратить невозможно; души не
стяжаешь,
Вновь не уловишь её, как однажды из уст улетела.
Мать моя сереброногая мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведёт к гробовому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским

---

¹⁴ Там же. С. 252.

сражаться, —

Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.

Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен...¹⁵

(Песнь IX)

А ещё раньше (песнь IX) он говорил:

С жизнью, по мне, не сравнится ничто: ни богатства,
какими

Сей Илион, как вещают, обиловал, — град, процветавший
В прежние мирные дни, до нашествия рати ахейской;
Ни сокровища... —

сколько бы их ни было. Ничто не сравнится с жизнью. И даже когда Одиссей спустится в Царство мёртвых и, встретив там Ахилла, который после своей гибели станет властителем над душами умерших, скажет ему: «Как тебе повезло!», тот ответит: «Лучше быть последним подёнщиком на земле, чем царствовать среди мёртвых».

Итак, жизнь — превыше всего... Однако люди добровольно идут на смерть. Сама смертность человека, его знание о неизбежном конце составляют преимущество человека пред богами. Боги бессмертны, а люди смертны. А ведут себя как бессмертные.

Жизнь конечна, и потому она должна иметь смысл. Если

---

¹⁵ Там же. С. 126.

жить вечно, о смысле можно и не задумываться. Именно так существуют боги. А человек смертен. Его жизнь имеет предел, и он знает об этом. И вот здесь возникает ещё одна важная тема «Илиады» – тема судьбы.

Собственно, сам смысл жизни определяется судьбой. Существовали даже особые богини – Мойры, которые определяли судьбы. Боги следят за тем, чтобы судьба осуществилась. Это их прямой долг, и потому в глазах людей их судьба – в руках богов. Однако и боги склоняются перед судьбой. Вот, например, Сарпедону, единственному из сыновей Зевса, который принимал участие в Троянской войне, было предначертано умереть от копья, брошенного рукой Патрокла. Зевс хотел бы уберечь сына, вынести его из боя, но Гера говорит, если мы начнём спасать всех, кого любим, так вообще всё разладится. И даже Зевс вынужден с этим смириться...

Люди знают свою судьбу; не только богам она известна, но и людям. И в какой-то степени они её выбирают. Вот только что я приводил вам слова Ахилла о том, что есть два варианта его судьбы: он может прожить долгую жизнь дома, но если станет воевать, то обязательно погибнет. И Гектор это знает:

Будет некогда день, как погибнет высокая Троя...

(Песнь IV)

Это грустная судьба. Жизнь Ахилла будет окончена здесь.

Но у Гектора ещё более печальная участь. Ахилл, по крайней мере, надеется, что ахейцы одержат победу и Троя будет разрушена. Гектор же знает, что и сам погибнет, и Троя падёт. А почему они сражаются? Ну, Гектора мы ещё можем понять: ахейцы напали на Трою, и ему было бы стыдно перед троянцами, прояви он робость и останься в стенах города. Гектор, действительно, защищает свой родной дом. Но Ахилл? Зачем он воюет? Он ведь сам говорил поначалу: «Троянцы мне ничего дурного не сделали, вернись домой...» Агамемнона он не любит, на Елену ему плевать, и никаких идей у него нет. Что им движет?

Когда он вступит в бой после гибели Патрокла, Фетида снова попытается его остановить. Она знает, что Ахиллу суждено погибнуть, и уговаривает сына отказаться от сражения. А Ахилл ответит:

Должно теперь и тебе бесконечную горесть изведать,
Горесть о сыне погибшем, которого ты не увидишь
В доме отеческом! ибо и сердце моё не велит мне
Жить и в обществе быть человеческом, ежели Гектор,
Первый, моим копием поражённый, души не извергнет
И за грабёж над Патроклом любезнейшим мне не
заплатит!»

Мать, слёзы лиющая, снова ему говорила:

«Скоро умрёшь ты, о сын мой, судя по тому, что
вещаешь!

Скоро за сыном Приама конец и тебе уготован!»

Но Ахилл решает, что всё равно будет сражаться:

Смерти не мог избежать ни Геракл, из мужей
величайший,
Как ни любезен он был громоносному Зевсу Крониду;
Мощного рок одолел и вражда непреклонная Геры.
Так же и я, коль назначена доля мне равная, лягу,
Где суждено; но сияющей славы я прежде добуду!
Прежде ещё не одну между жён полногрудых троянских
Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю и в горе
С нежных ланит отирать руками обеими слёзы!¹⁶

(Песнь XVIII)

Отчасти им движет желание отомстить за Патрокла, но в то же время, и это самое важное, им движет стремление к славе.

Герой – тот, кто осуществляет свою судьбу. А для Ахилла, кстати, какова альтернатива? Прожить долго, но бесславно или пасть на поле битвы, но прославиться. Он сам выбирает свою судьбу. И в общем-то, у него есть только один вариант судьбы – это погибнуть под Троей со славой. Прочее – это не судьба, ибо судьба – это индивидуальный смысл жизни. А прожить долгую, спокойную жизнь, как все люди, – это не для него. Судьба Ахилла в том, что он, герой, погибнет под

---

¹⁶ Там же. С. 262.

Троей... И Гектору, когда он решит вступить в поединок, скажут: «Не сражайся с Ахиллом!», а тот ответит: «Погибну, но слава останется».

Слава – высшая ценность. Не общее дело – слава, ибо слава для них – это посмертное бытие. Она останется в памяти других. Герои Гомера идут навстречу судьбе, и слава для них важнее жизни. Она придаёт смысл их существованию. И в этом – их преимущество перед богами: богам ничто не грозит, люди же платят жизнью. А настоящая ценность – лишь то, за что не жалко её отдать.

Вот, например, в пятой песне поэмы рассказывается о том, как греческий герой Диомед вступает в бой с самим богом войны Аресом и ранит ручку Афродиты. Это не богоборчество: он знает, что богам ничем навредить не может. Но само то, что он способен пойти на такое, придаёт ему славы, он как бы уравнивается с богами. Это не борьба, а желание доказать, что человек может и с богами сразиться, но без всякого протеста против них. Вообще, никакого противостояния богам в «Илиаде» нет...

Боги принимают активное участие в событиях. Они непосредственно вмешиваются в происходящее. Допустим, эпизод из первой песни «Илиады». Ахилл в гневе на Агамемнона, даже готов на убийство. Но является богиня Афина и останавливает Ахилла, не дает ему это совершить. Ахилл не может убить Агамемнона. Второй пример – с Патроклом. Ахилл его предупреждал: «Можешь сражаться с кем угод-

но, но только не с Гектором». Он знает, что Патроклу суждено погибнуть от руки Гектора. Но Патрокл не слушает друга и вступает в поединок. Гектор убивает Патрокла. Однако в «Илиаде» это дано как вмешательство бога Аполлона, который помогает Гектору сразить соперника: выбивает из рук Патрокла копье.

Гегель в своей «Эстетике» разбирает эти эпизоды и даёт им следующую интерпретацию. Он считает, что Гомер изображает внутреннее состояние человека, но показывает его классически – через внешнее явление бога. В частности, в первом случае Ахилл всё-таки понял, что он не может лишить жизни Агамемнона, и это его душевное сомнение показано как явление богини мудрости, которая останавливает руку героя. А второй эпизод Гегель объясняет так: Гектор – более могущественный герой, и, кроме того, это уже конец битвы, Патрокл устал. Но верно ли подобное объяснение? С одной стороны, да. Так можно понять, наверное, и так можно объяснить. Но почему бы Гомеру так и не представить событие? Это вполне в его силах. Он мог бы сказать, что Ахилл проявил благоразумие, а Патрокла сгубила усталость... Почему Гомеру всё-таки необходимо вмешательство богов?

Возьмём два более сложных примера. Поединок Гектора и Ахилла – решающее событие в поэме. Сам Зевс не знает, кто должен одержать победу, и бросает жребий. Так он узнаёт, что победа достанется Ахиллу. И Ахилл побеждает. Прямого вмешательства в ход поединка здесь нет. Но сначала всё-

таки был жребий...

Или финал. Мы к этому ещё вернёмся, а пока хочу отметить главное: убив Гектора, Ахилл издевается над его телом, привязывает к колеснице и трижды протаскивает растерзанный труп вокруг могилы Патрокла. Аполлон, который, между прочим, покровительствовал Гектору, возмущён таким бесчинством. Он обращается к Зевсу. А Зевс велит богине Фетиде остановить Ахилла. Фетида убеждает сына вернуть тело Приаму. Это – божественная мотивировка.

Однако когда Приам приходит к Ахиллу и просит его отдать тело сына, он напоминает герою о его собственном отце, ведь подобное с ним тоже могло случиться. Ахилл проникается сочувствием к Приаму. И это его личный душевный порыв, хотя за ним и стояло решение богов. А кроме того, Ахилл делает то, чего от него и не требовалось: он обещает двенадцать дней не атаковать Троию, чтобы Приам и троянцы смогли со всеми почестями похоронить Гектора.

Этот момент в «Илиаде» получил особое название – «закон двойного зрения»: одно и то же событие здесь имеет как бы две мотивировки. Одна – психологическая, жизненная, а другая – божественная. В обоих примерах это выступает вполне очевидно. Ахилл одержал победу над Гектором: физически он явно превосходил троянца, всё-таки – сын богини. Но есть и другое объяснение его победы – выпавший жребий. А во втором случае – вспомнив отца, Ахилл проявил великодушие. Но, в то же время, таково было решение

богов...

Собственно, и в предыдущих примерах присутствовала та же двойственность. Можно, конечно, сказать, что Ахилл проявил мудрость, – но именно в этот момент ему явилась богиня Афина. И то же самое с Патроклом: конечно, вполне реально, что Гектор оказался более сильным воином. Однако есть и другая причина его поражения: в события вмешался бог Аполлон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.